

Имя в истории

Лучшие годы нашей жизни прошли рядом с этим артистом и человеком, который, огласив неистовым криком Прибывающего на свой жизненный путь 13 августа 1901 года, в своей, ставшей уже историей, биографии достиг головокружительной вершины высотой в сто лет. Его герои — наши верные друзья. И если годы эти нам не суждено удержать, то воплотившие их в себе друзья помогают нам не потерять то лучшее, что в нас есть.

И КАК СТАЛО вдруг плохо Борису Петровичу Чиркову на церемонии вручения Ленинской премии в мае 1982 года, и реанимационная машина понеслась из Кремля в больницу, но так и не обогнала смерть...

Так стала его душа жить с тех пор между небом и землей...

А к столетию со дня рождения своего почившего в кипе жизни обладателя — лет скоро двадцать тому скорбному дню 28 мая — спустилась она на землю в облике его сердечного друга Максима...

И попал Максим в аккурат в Москву, а никто его тут и не встречает... и не узнает... Ходит какой-то мужик в косоворотке с разинутым ртом и немимым вопросом на круглом, простодушном лице: «Братцы, где я? В какую я границу заехал?..»

Озабоченные собой братцы шуруют мимо, будто он человек-невидимка. «Лю-ди, ау-у!»

Хотел он было маузер из-за пояса выхватить да пальнуть в шар голубой, чтоб закрутился он в его сторону... как привлёк его внимание некий желтый листок в витрине газетного киоска, который оповещал население неузнанной столицы, что какая-то Алла Пугачева может показать какой-то стриптиз, но за о-очень большие деньги...

Опустил Максим глаза, будто штаны потерял, и уперся чуть ниже в другую полезную для москвичей информацию: «Где и как развлечься с подружкой в выходные...»

Огляделся он туманным взором по сторонам и увидел японский ресторан «Желтое море», который примыкал почему-то, и даже без отгородки, прямо к раскрашенному, как игрушечка, православному храму Святого Григория Неокесарийского.

«Где эта улица, где этот дом...» — завертелось у него в голове. «Большая Полянка», — прочитал Максим, — дом окнами в глубокое падение нравов...

И тут увидел он девочку, стоявшую напротив храма, с черным, как ночь, коньком! И потянуло его к ней, как магнитом, все вокруг сразу погасло и пропало.

Конек оказался старичком-пони, поджавшим одно заднее копытце.

Он заглянул в просящие глаза девочки и в божественные, скованные молчанием, черные без зрачков глаза ее шестнадцатилетнего друга по кличке Дождик и почувствовал дыхание бездны в их глазах.

«Добрые люди! — обращалась девочка, которая каким-то инфернальным изгибом почувствовала Максиму той самой барышней, в какую был он когда-то страстно влюблен. Она обращалась с картонки, прикрывавшей подрагивавшую спину Дождика. — Помогите старому

пони на корм и лечение ноги. Спасибо за помощь».

«За что боролся?» — поразила себя вопросом Максим, подавая девочке советский полтинник, на котором полный достоинства рабочий бил молотом о наковальню. Улыбаться ему не

хотелось, как и петь про шар голубой тоже... Почувствовал он своим классовым чутьем, что с этим шаром творится что-то, мягко говоря, неприличное.

В динамичном, крылатом, виртуозно написанном сценарии через край талантливых кинематографистов Григория Козинцева и Леонида Трауберта «Трилогия о Максиме», вышедшем уже с кадрами из фильмов в форме альбома в Госкиноиздате еще в 1939 году, авторы неоднократно использовали как прием форму пролога. Действие «Юности Максима» начиналось с наступления нового, 1910 года, а «Выборгская сторона» кончалась прощанием Максима со зрителями — революция свершилась, он отдал ей все свои силы и уходил на фронт защищать Питер от немцев. По экрану проходила целая эпоха, драматическая эпоха нашей истории, эпоха большого перелома, и она требовала большого стиля, эпического масштаба и быстроходной ладной сюжета, надуваемой парусами пролога и эпилога.

Пусть и прочитанный вами пролог к юбилею Бориса Чиркова будет своеобразным сниманием шляпы перед этой, по праву, классикой нашей советской кинодраматургии. В нем вера, что Максим жив, что он с нами. Не с ними, но с нами.

Для многих, если не для большинства людей, жизнь — своеобразный пролог, который внезапно переходит в эпилог. Готовится человек жить, роет свой окоп поглубже, поуютнее,

чтоб ловчее было ему ударить из него по руке судьбы!.. И тут его накрывает снаряд: бац — и не мимо...

Борису Петровичу Чиркову судьба подарила большой пролог в лице Максима и еще долго и бережно баюкала его на своей руке, а потом вдруг вздрогнула и выронила из жизни внезапно. Судьба — женщина без сердца. Но у Чиркова, судя по его долгой и яркой творческой жизни, был с ней все-таки роман. И от этого романа родился Максим.

Если уж точно: Максим Иванович Лисицин. Есть в трилогии

нечто, потом он исправится и опять станет таким же убежденным большевиком. С кем не бывает... Разве не бывает так, что люди, преданные партии, колебались, а потом отрекались от своих заблуждений и снова продолжали верой и правдой служить идеалам рабочего класса? Зато зрителям будет интереснее следить за судьбой Максима...

Чирков ответил им только на следующий день.

— Нет! Не имеет права Максим на ошибку!.. Может быть, характер его и станет заниматель-

первой картине «Люблю ли тебя» и потом в «Учителе» в роли Степана Лаутина, прошался с ним на страницах журнала «Искусство кино» такими словами: «Чирков до последнего часа был человеком прозрачно чистой, благородной души...»

Может, в этом и таится секрет неуязвимой любви к герою нашего времени Максиму?..

«...Чирков был словно рожден для этой великой роли, — продолжал Герасимов. — Помню, Леонид Захарович подарил ему книгу с такой, примерно, надписью: «Если бы Вас не было, что бы мы с Григорием Михайловичем делали?»

И второе «мгновение» из «Возвращения Максима» — действие фильма разворачивалось в мае 1914 года в канун Первой мировой войны, — и касалось оно становления газеты «Правда», когда она под кнутом царских властей, и в частности ведомства по делам печати, подвергалась репрессиям: штрафам, разгромам, конфискации тиража и даже закрытию.

После очередного закрытия название газеты менялось, но в нем, как правило, присутствовало имя существительное «правда».

В «Возвращении Максима» жандармы пресекали выпуск газеты «Путь правды», и пробило мгновение искать новое название.

— «Голос правды», — предлагал кто-то. — «Рабочая правда». — Было. — «Трудовая правда», — предложила Наташа — а ей с Максимом даже в комнате отказали от одного слова, что она работает в «Правде». — Это подходит — пиши: «Трудовая правда». «Трудовая», «Рабочая», «Пролетарская» — все одно рабочий ее под одним родным именем знает: «Правда».

И звучит чуть погодя свирепая реплика всегда загнанного, как лошадь, верстальщика газеты — метранпажа:

— Смерть нам не страшна. Места в газете нет, вот что страшно.

«Правда» — это прежде всего люди, а Бориса Петровича всю жизнь согревала нетленная мысль Горького: «Для лучшего человека люди живут».

Он родился в Российской империи. А в империи была Вятская губерния, а в губернии уездный городок Нолинск на реке Вое. Второй, не то третий дом — почта, напротив нее тюрьма... земская больница, кладбище и две церкви. И самое живое место — общество трезвости, над магазином... что-то вроде очага культуры, в котором горело что-то неудобопонятное, которое хотелось понять.

«Мы жили, — вспоминал Борис Петрович, — как в маленьком, отгороженном от Вселенной мире».

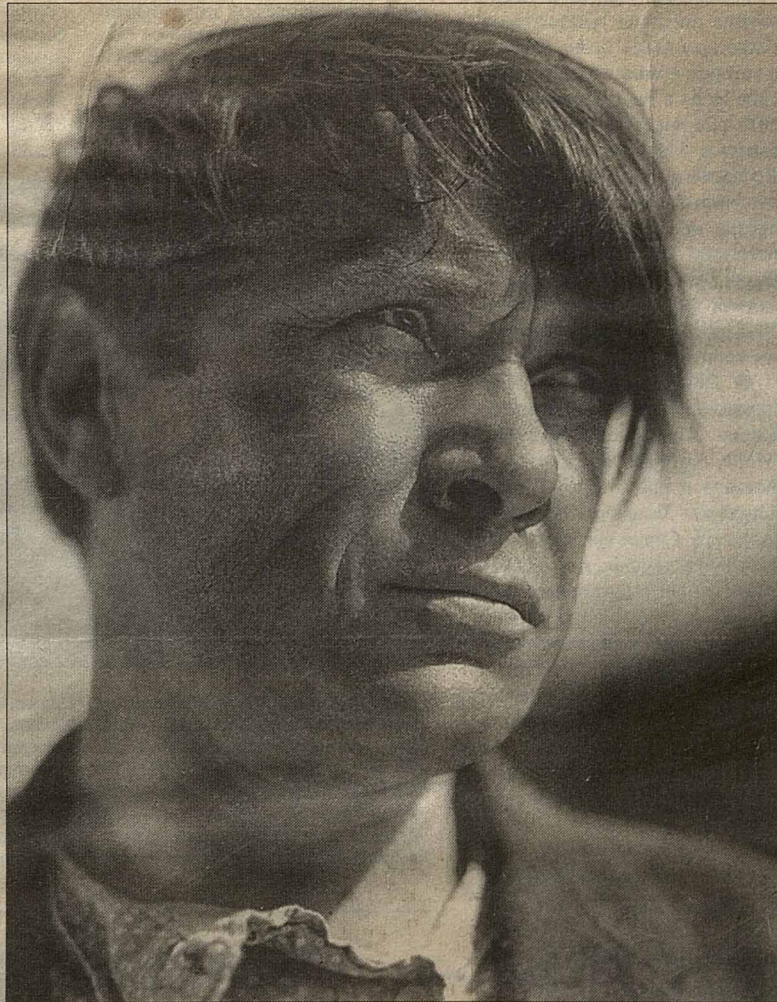
И надо было случиться Советской власти, чтобы из Вселенной поступали и спросили вятского мужика:

— Что бы мы без вас делали?

Юрий ПОЛЕНОВ-КОРШАК.

Фото из архива библиотеки Киноцентра.

Возвращение Максима

пара мгновений, за которые вспыхивает на экране его паспорт, но эта вспышка для особо глазастых.

И есть в трилогии «пара мгновений», которые требуют своей песни. Оба они из второй картины «Возвращение Максима».

На съемках ее у авторов вдруг появилось беспокойство: а не делается ли скучным Максим? Не надоест ли зрителям его непогрешимость? А что если заставить его ошибиться? Ну, ко-

нечто, но ведь мы продолжаем показывать образ человека, которому зрители уже безусловно верят, и, если он поведет себя неправильно, недостойно, он кровно обидит своих друзей и единомышленников в зрительном зале, не оправдает их надежд, разобьет их веру в человека, в большевика... Максим олицетворяет у нас партию, и его ошибка будет ошибкой партии.

Когда Чирков умер, Сергей Герасимов, снявший его в своей